

Кузнецова А. (г. Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы)

## МИСТИФИКАТОРСКИЙ ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ СТАНИСЛАВА ИГНАЦИЯ ВИТКЕВИЧА (ВИТКАЦИЯ)

Среди множества фотографий, на которых запечатлен Станислав Игнаций Виткевич (Виткаций), выделяется одна, сделанная приблизительно в 1916 г., во время пребывания писателя в России. Она была открыта лишь в 70-е гг. и стала одним из наиболее популярных его изображений. Снимок был сделан в специальной кабинке оборудованной зеркалами. Мы видим Виткация, одетого в мундир офицера лейб-гвардейского Павловского полка, сидящего спиной к объективу, а лицом к зеркалам. Это лицо одного и того же человека, но расположенное под разными углами зеркала создаёт иллюзию вездесущности Виткация, его многочисленного присутствия в рамках одного и того же снимка: «присутствие драматурга и писателя, поэта и фотографа, теоретика искусства и философа, критика и публициста. Это присутствие в опере и театре, в выставочных залах и музеях, в кино и на радио» [2, с. 8], но это не значит, что творчество Виткация исследовано в полном объеме, еще многое необходимо познать и разгадать.

Гжегож Синко сравнивал творчество Виткация с огромным валуном, который можно обойти с разных сторон, но целиком его нельзя увидеть и невозможно измерить. По мнению критика, понять творчество писателя очень сложно, потому что он был всесторонне развитым и одаренным человеком. Все им созданное можно охарактеризовать, лишь используя превосходную степень прилагательных. Двойственность всегда была свойственна личности Виткация. У Б. Линке есть картина, созданная в 1937 г. под названием «Жизнь согласно представлениям С.И. Виткевича», которую И. Якимович использовала в качестве ключа к разгадке личности Виткация. «В неприятной стране со спаленной землей и деревьями без листьев, под тяжелым темным небом, на фоне спокойного сконцентрированного лица мыслителя видна фигура этого же самого человека, с гримасой страдания, борьбы и страсти. Естественно в этом талантливом человеке [...] сосуществовали будто бы два человека, один из них воплощал интеллектуальный элемент, второй был подвержен дионизийским силам. Один, несмотря на случайности жизни, взмывал ввысь, в сферу Чистой формы, второй без остатка был поглощен жизнью, но не без чувства вины. Один – враг философского иррационализма, второй проводил эксперименты, приоткрывающие тайны подсознания» [3, с. 8].

Личность Виткация всегда интриговала и вызывала интерес как тех, кто его хорошо знал, так и многих исследователей. Ключи к ее разгадке исследователи искали прежде всего в биографии, вокруг которой образовалось много легенд, одна из которых черная легенда – легенда чудака и эксцентрика, алкоголика и наркомана. Легенды обычно долго живут, бытуют в сознании людей и не просто поддаются попыткам проверки на подлинность. Виткаций – великий мистификатор, личность бесспорно загадочная и противоречивая.

Мистификация – намеренная попытка введения множества людей (читателей, зрителей, слушателей) в заблуждение. Мистификации всегда обращены в будущее, что автоматически снимает вопрос об этической ответственности их автора. Да, он обманывает современников, или, мягче говоря, вводит их в заблуждение, но ведь они об этом так и не узнают. Мистификации, как правило,

предназначены для их разгадывания – в противном случае они лишены смысла. Чем лучше организована мистификация, тем дольше она бывает не разгадана, тем больше современников и потомков оказываются введенными в заблуждение – и тем сильнее оказывается эффект при её разгадке, которая одних восхищает, давая пищу для ума и для понимания контекста жизни и творчества мистификатора, а других огорчает, лишая привычного представления об авторе.

Мистификаторская легенда личности Виткация неоднократно влияла на оценку его достижений и на мнение о нем как о человеке и художнике. До сих пор это отражается в стереотипных оценках, неоригинальных интерпретациях его пьес и неосведомленности в основных биографических моментах. На описанной выше фотографии мы видим четыре отражения Виткация, но сам Виткаций стоит спиной к камере, а лицом к зеркалам, так что настоящее его лицо закрыто для зрителя. Нам оно знакомо по многочисленным фотографиям и автопортретам, с которых он смотрит на нас весело или грозно, дружится или воплощается в разных персонажах, это лишь маски, подобранные к контексту ситуации. У маски очень много функций, иногда она, подобно одежде, прикрывает наготу. Маска превращается в железные доспехи, защищающие обнаженную человеческую душу. Каждый носит маску, и все знают, что это не подлинное лицо человека. С ее помощью человек может приобщиться к миру зверей, теней или духов либо же попробовать себя в роли другого человека и при этом стать иной личностью, вовсе непохожей на того, кто под маской.

Кажется, будто бы Виткаций стремился прожить несколько жизней, однако, меняя маски, сохранял тождество. Подтверждение этому можно отыскать в многочисленных фотографиях. Фотографии Виткация были «своеобразной записной книжкой, блоком, где были запечатлены минуты настроения и лица». Известны многочисленные автопортреты Виткация. Автор, подобно актеру, превращался мастерски в дядюшку из Калифорнии, судью в тоге, чудовище из Дюсельдорфа, махатму Виткаца, профессора Пульверстона, автомобилиста, набожного человека, киноактера, ковбоя, духа с задранной вверх рубашкой. Он корчил рожи перед объективом, выпучивал глаза, гримасничал (мимический фототеатр). Концепция всех фоторабот Виткация принадлежала ему самому, он был лучшим актером и режиссером в своем собственном театре. Художник обожал фотографировать, придумывал своим персонажам различные роли, охотно составлял групповые снимки с участием друзей и знакомых, на которых перевоплощался в страстного любовника, старушку, коллол наркотик красавице и т.д. Все эти фотографии – это еще одна грань искусства, в которой Виткаций был мастером. В фотографии Виткаций соединял талант художника, драматурга, режиссера и актера. Таким образом, он создал еще один особенный мир, который мы еще только открываем для себя и для окружающих.

Склонность Виткация к мистификации подтверждают и многочисленные морфологические вариации его имени и фамилии (гетеронимы). Имя стало предметом игры. Именем Виткаций художник нарек себя еще в 1913 году, а с 33 лет систематически именно так (лигатурой имени и фамилии) стал подписывать картины. Он изменил имя, чтоб отделиться от себя прежнего, примерить очередную маску.

Несмотря на столь богатый внутренний мир, Виткаций был несчастным. Одаренный превосходным чувством юмора, он использовал его для того, чтобы скрыть свое истинное лицо. Поэтому те, кто не был с ним близко знаком, становились лишь с этой маской. Маска компенсировала ту дистанцию, которая

отдаляла его от остального общества, создавая искусственную близость, а ее на самом деле не было и не могло быть. Когда маска спадала, под ней оказывался человек, очень одинокий, грустный, внутренне разбитый, буруемаемый страстями, вихрем неизвестных простому человеку метафизических чувств, человек выдающийся, творческий и трагический.

Настоящего Виткация открывают нам его письма. В них он предстает как обычный человек в различных жизненных ситуациях. Он был искренним, вплоть до определенных интимных моментов. Переписка с женой – свидетельство сложных взаимоотношений между двумя людьми, чей союз переживал порой тяжелые моменты, но выдержал испытание временем. Письма являются ценным источником знаний о времени и творчестве Виткация, подлинным психологическим документом, раскрывающим перед нами все грани его необыкновенной, своеобразной натуры.

Письма представляют Виткация в различных комических и драматических ситуациях, показывают его обеспокоенность многими досадными болезнями, подорванным здоровьем, а вместе с тем и то, как он «героически сражается с самим собой и с собственными слабостями, пороками и зависимостями» [2, с. 313]. Письма помогли заглянуть в его творческую мастерскую, проследить процесс создания некоторых произведений («Прощание с осенью», «Единственный выход», «Ненасыщение» и т.д.), публицистических и философских работ, отражают все внутренние переживания тому сопутствовавшие, период временного творческого кризиса.

Письма Виткация очень личные, он писал их, никогда не предполагая, что когда-либо они появятся в печати. Об утилитарном характере писем Виткация свидетельствует тот факт, что он совершенно не беспокоился о их внешнем оформлении. Он вполне обходился без писчей бумаги, а создавал свои письма на всем, что попадалось под руку: на неаккуратно оторванном клочке бумаги, неоднократно на обратной стороне рукописи, на документах, чеках, счетах. Часто Виткаций писал на старых открытках, которые ему присылали, он изменял адрес, некоторый текст, ставил свою подпись и рассылал знакомым, воспринимая это как отличное развлечение. Старые письма обретали таким образом второе дыхание.

В письмах используется разговорная лексика, свободный порядок предложений, лексика эмоционально окрашена, много вульгаризмов, диалектизмов. Письма демонстрируют невероятную языковую изобретательность их автора, страсть к литературным экспериментам (сознательное нарушение лексических орфографических и синтаксических норм, каламбуры, фонетическое искажение, искажение формы и структуры письма).

В письмах серьезный тон соединяется с иронией, гротеск с интимным признанием. Все подобные языковые эксперименты похожи на детскую забаву, игру со словами, каламбур, тем не менее, это подтверждает стремление Виткация к обновлению языковых ресурсов, к разрушению стереотипов, к языковому динамизму. Здесь, более чем в других произведениях, автор мог экспериментировать. Все так называемые языковые переделки, приправленные самоиронией, тонким юмором, напоминают фотографии, на которых Виткаций так же дурачится, примеряет маски, перевоплощается и вживается в новые образы. Своих близких Виткаций нередко удивлял незаурядным актерским мастерством и способностью к имитации. Это театр одного актера, театр жизни, в котором Виткаций актер и режиссер в одном лице. Иногда границы между жизнью и игрой

стирались, что приводило к недоразумениям, обидам и разрывам отношений. Подобная игра была для Виткация проверкой отношений на прочность, проверкой чувства юмора близких, верности и лояльности. Иногда психологическим тестом на устойчивость личности было письмо, в котором Виткаций полностью оскорблял адресата.

«Ошибочным является предположение о том, что корреспонденция Виткация обличает его шутовское лицо, лицо шутника, мистификатора. Появляется и иное обличие, совершенно незнакомое, либо лишь немного приоткрытое. Это образ несчастного человека, страдающего от собственных слабостей и болезней, мучительно переживающего переменные финансовые затруднения и то, что иногда очень обижает друзей и близких» [2, с. 324]. Виткаций, которого всегда окружали многочисленные друзья и знакомые, в письмах изливал свою душу, осознавал свое одиночество. Адресатам Виткаций искренне повествовал о своих заботах и проблемах, искал в них опору, поддержку, взывал к их пониманию. Но Виткаций не эгоист, который загружал других своими проблемами, он и поддерживал других, помогал, давал советы, беспокоился о самочувствии, присылал рецепты.

Склонность Виткация к мистификации сопутствовала художнику как при жизни, так и после смерти. В свидетельстве о рождении, выданном варшавским костелом св. Александра, дата рождения Виткация сдвинута на месяц вперед. Эта двойственность соответствовала его склонности к мистификации и оставила след в документах. Крещен он был тоже дважды. Двойственность, многозначность, существование двух параллельных реальностей определили принципы его существования в искусстве.

В апреле 1988 г. в Озерах прошла эксгумация останков Виткация, они были перевезены в Польшу, и в Закопане были организованы торжественные похороны, на которых присутствовало много народу. Но уже спустя некоторое время поползли слухи о том, что на самом деле похоронили вовсе не Виткация. Перед самым закрытием гроба останки сумел сфотографировать местный фотограф, и он передал эти фотографии родне Виткация. Один из родственников с удивлением заметил, что у данного трупа на фото отличные зубы, в то время, как известно, что у Виткация к моменту смерти почти не было собственных зубов (в 30-е годы ему сделали вставную челюсть). Об этом свидетельствуют и фотографии семьи Навроцкого, стоматолога из Закопане, который вместо денежного гонорара за работу получал портреты. Гроб с неопознанными останками торжественно похоронили в Закопане.

К этой проблеме вернулись только лишь в 1994 году. Министерство культуры и искусства созвало комиссию, что привело к очередной эксгумации. Ее результаты потрясли мир, все произошло типично в стиле Виткация. Оказалось, что вместо Виткация в Закопане привезли и похоронили останки молодой женщины. «Эта неслыханная ситуация казалось бы продумана и срежиссирована самим Виткацием, которого при жизни интересовали проблемы борьбы полов и изменения идентификации (личности, индивидуальности)» [5, с. 78].

Не менее удивительным является и то, что все время мы открываем какие-то неизвестные его произведения, особенно портреты. Каждый год на рынке произведений искусства появляются десятки его произведений, которые до этого никогда не выставлялись, не продавались.

Воспоминания современников о Виткации довольно противоречивы. Для одних он был человеком из эпохи Ренессанса, полным энергии, юмора и бодрости, без памяти преданным искусству и философии. Настороженные мещане

относились к нему как к шуту и комедианту. Считали Виткация и чудачком, и даже грешником, который осмелился бросить вызов самому Богу, пытаясь проникнуть в суть мироздания. Для многих Виткаций был мечтателем, который к тому же увлекался наркотиками, которыми он лишь отпугивал знакомых, что позже подтвердил знакомый врач. После периодов бурной деятельности, творческого подъема и хорошего расположения духа он впадал в глубочайшую депрессию. Такие перепады в настроении Виткация объясняют столь различное к нему отношение у современников.

Станислав Игнаций Виткевич – художник, творчество которого нельзя исключить из общего контекста истории культуры. Все чаще широкий спектр его интересов становится объектом междисциплинарных исследований. Еще многое предстоит познать, разгадать тайны Мастера.

#### Літаратура

1. J. Błoński, Wstęp, w: S. I. Witkiewicz, *Wybór dramatów*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1974, s. X-XI.
2. Degler, J. Witkacego portret wielokrotny. Szkice i materiały do biografii (1918 – 1939) / J. Degler. – Warszawa, 2013. – 558 s.
3. Jakimowicz, I. Witkacy, Chwistek, Strzebiński. Myśli i obrazy / I. Jakimowicz. – Warszawa 1978, s. 8
4. K. Puzyna, Witkacy, w: S.I. Witkiewicz, *Dramaty*, Warszawa 1972, tom 1, przedruk w: K. Puzyna, *Witkacy*. Opracowanie i redakcja J. Degler, Warszawa 1999, s. 41-85
5. Żakiewicz, A. Witkacy / A. Żakiewicz. – Wrocław, 2012. – 79 s.